

Хатхе Асиет Асланбечевна

САКРАЛЬНОЕ В РАСТЕНИЯХ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АДЫГЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Статья посвящена анализу растительного мира в художественных произведениях адыгейских писателей. Автором рассматривается один из самых ярких художественных приёмов, используемый адыгейскими писателями, изображение героев в непосредственной связи с природой и растительным миром, что даёт большие возможности для поиска и анализа специфики взаимоотношений человека и природы. Основное внимание автор акцентирует на сакральное в растениях, встречающееся в двух разновидностях: а) божественное; б) мистическое, потустороннее.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 191-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена анализу растительного мира в художественных произведениях адыгейских писателей. Автором рассматривается один из самых ярких художественных приёмов, используемый адыгейскими писателями, изображение героев в непосредственной связи с природой и растительным миром, что даёт большие возможности для поиска и анализа специфики взаимоотношений человека и природы. Основное внимание автор акцентирует на сакральное в растениях, встречающееся в двух разновидностях: а) божественное; б) мистическое, потустороннее.

Ключевые слова и фразы: божественное влияние; космологические представления; элементы мироустройства; небесный мир; подземный мир.

Хатхе Асиет Асланбечевна, к. филол. н., доцент
Адыгейский государственный университет
xatxe70@mail.ru

САКРАЛЬНОЕ В РАСТЕНИЯХ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АДЫГЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ[©]

В мифологии и фольклоре адыгов особое место занимает «мировое дерево», которое выступает как «растительная» модель мира по вертикали, в которой отражены основные элементы мироустройства, выражающие структуру мироздания, совершенство движения от хаоса к космосу, к упорядочению мира. «Мировое дерево», или «древо жизни», также символизирует космологические представления адыгов о трёхчастном делении вселенной на зоны: верхняя (ветви) – небесный мир, средняя (ствол) – земной мир, нижняя (корни) – подземный мир. В адыгской мифологии мировое дерево выступает в образе огромной чинары или в виде золотого дерева (яблони) с ярко выраженными символами плодородия и относится к универсальным мифологемам.

В варианте «мирового древа» – «древа жизни» – более конкретно выражена жизнеутверждающая символика, в частности, плодovitость (сказание «Золотое дерево нартов»). Выращенное богом земледелия и плодородия Тхагаледжем древо жизни находится на нартской земле (идентично земному миру). Символический единственный плод, растущий на дереве, содержит символику жизни. На восходе солнца плод нарождался, к закату он уже созрел. Утренние лучи красили пол-яблока в алый цвет, другая половина оставалась белой. Пожалуй, то, что с помощью этого яблока можно избавиться от бесплодия, является символом плодovitости. Если бесплодная женщина съела красную половину, то она рожала мальчика, а если белую – то дочь-фею.

Как своего рода классический, многоаспектный символ плодородия, олицетворяющий упорядочение природной и социальной сфер, по нашим наблюдениям, может быть рассмотрен вариант мирового «древа жизни».

Е. Ю. Дамдинова отмечает, что «литература отражает все виды деятельности человека, его жизнь, эмоциональный мир, чувства и переживания. Литературные произведения пробуждают в человеке всё самое лучшее, воспитывают в нём высокие духовные помыслы. Шедевры мировой классики отражают национальную ментальность каждого народа» [1, с. 53].

Интереснейшим объектом для художественного анализа на протяжении многих десятилетий является наследие адыгейских писателей. Одним из самых ярких художественных средств, используемых адыгейскими писателями, является изображение героев в непосредственной связи с окружающим миром, что даёт большие возможности для поиска и анализа специфики взаимоотношений человека и природы.

Появившийся с момента мироздания человек черпает свои силы из природы. Как нам представляется, многие писатели верны такой двойственности взаимоотношений, как человек – окружающий мир. Изучив характер взаимосвязи героев с окружающей средой в художественных произведениях адыгейских писателей, мы выявили сакральное в растениях.

В художественных произведениях адыгейских писателей сакральное в растениях встречается в двух разновидностях: а) божественное; б) мистическое, потустороннее. Рассмотрим их подробнее.

а) След божественного в растительной природе.

«Ахэр ыгу къэкълъжъхэзэ, ихъасэ зыригъэлъэгъунэу Бэчырэ макло. Мары мы бгъодж нэклъыр зэпичымэ, къэнэжъырэр зи арэп... О си Тхъэшху, сьдэу дунай шлагъуа мыр, сьдэу сынфэраза!» [10, н. 334].

«Бечир шёл к своему полю и вспоминал только то, что было связано с ним, шёл, как к хорошему собеседнику, который хоть и не разговаривает, но умеет слушать... О Великий Тха, какой прекрасный мир ты сотворил для нас!» [6, с. 118].

В данном эпизоде автор олицетворяет поле, которое умеет слушать, с ним разговаривает герой. Из уст героя мы слышим, как он благодарит Бога за тот прекрасный мир, который он сотворил. Природа, на наш взгляд, определяет лицо человека, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Автор показывает, что природа не только фон, но и важное действующее лицо.

*«Чыг суртым зыкыхишыкы, гъэхунэ гүзэгум кыуцуагъ... Чыгэу зытеплээрэмэ шыабэу за-
утхыпкы, жьоркыым ыгъэишончэгъэ тхьапэхэр тхьохэзэ къэжъых, къэклэжыгъэхэу кьутамэхэр
зэпэнэфыжыых, уцмэ лэпэнцыеу жьым зыхацае, гур кьагъэушкьоуе, ялгъэуж быбхэр нэфынэ лүдэ-
наклэхэу гъэшобзэ макъэхэр мэхьарзэх...»*

*Сыдэу уцыр шыаба, лэхуамбэмэ закьырещкы, кьыоубзэу лэгъушгъом зыкычлеубгъо, мыжгъом лэ
цыпфэмэ, дышгъэцэ зэпэжъыхуэр кьыхэпсхэу, лэгъушгъодаклоу уфэуцлэ мэху... Тхьэм шлыкылоу чылыгъэ дуна-
ем кьепсыхыгъа?» [9, н. 446].*

*«Он появился из очертаний дерева и встал на поляне... Деревья, на которые он смотрит, нежно
вздрагивают, листья, поблекшие от жары, начинают сиять свежестью на вновь ставших упругими
ветках, травы тянутся вверх на цыпочках, в воздухе кружатся нежные голоса, летучие следы устрем-
ляются к твоему сердцу. О чём они шепчут?»*

*Трава какая мягкая, тянется к пальцам, ластится к ногам, погладишь камень – он начинает свер-
кать золотыми песчинками, становится податливым и гибким... Может, это божий посланец, сошед-
ший на землю?» [8, с. 101].*

Данное художественное произведение содержит немало пейзажных описаний, которые выстраиваются в образный ряд. Автор изображает природу в процессе и масштабных, и мельчайших изменений. На наш взгляд, пейзаж может содействовать воспитанию нравственных, религиозных и эстетических предпочтений (качеств). Автор подчёркивает божественное влияние на природу – она сразу же преображается, делается краше, становится нежной и доброй. Дерево как бы выпускает из себя божьего посланца, и мы невольно задумываемся – а может, такой посланец живёт в каждом дереве? И не все ли деревья являются вместилищем высших сил?

б) Мистическое, потустороннее.

Видимо, любой ребёнок склонен мистифицировать природу, видеть в ней сакральное. Взрослея, человек перестаёт верить в сказки, смотрит на мир реально. Однако детские ощущения имеют большую силу.

*«Лы сыхъуи, сякылы кьызэклом, мэзым гъэшлэгъонэу фысылэм хэмыхъуагъэмэ зыкы хэклэгъэп. Ау ащ
лэуцлэрэ псэушхъэрэ анэмыкI зэрэхэмысыр кьызгурылуагъ» [3, н. 63].*

*«Вырос я, обстрелялся на войне, поехал по белу свету, насмотрелся разных диковинок, а лес всё не пе-
реставал казаться мне загадочным. Только я уже не представлял его себе в виде затерянного мира, не
ждал встреч с невиданными чудовищами» [2, с. 286].*

*«Сызэцлыкым тимэз лэшэу шлощынэгъуагъ, ащ игугъу ашлы кьэс склышгъоц кьэтэджыщтыгъэ:
хьэкI-кьокI щынагъохэр бэу хэсыхэу, узэралгъэгъуэм лыпытэу, ахэр кондэ лъапсэмэ кьачIлэгъэтыныхи
кьыбджэхэтхьощтхэу кьысыщхъуцтыгъэ» [3, н. 63].*

*«Когда я был маленьким, лес казался мне уголком затерянного мира: всё чудилось, что вот сейчас из-
за кустика шиповника высунется хобот невиданного чудовища, будто уже и тень его ползёт по изъ-
еденному плесенью мху» [2, с. 286].*

Наши наблюдения дают основания полагать, что пейзаж в данном художественном контексте оказывает эмоциональное воздействие (тревогу, восторг, страх), и через данную картину природы писатель передаёт своё мироощущение, свою философию жизни. Автор создаёт образ леса, такого же могучего и непреклонного, как и вся дикая природа.

*«– Шыпкэ дэдэуи шысэмэ зэрэцауатэрэм фэд... – гукъэкыр ыгъэтхытхэу рычъагъ Сурэ ыгу. Ар
кьыгъэшыпкэжъыэрэм фэдэу, бэрэ нэмытэу шысэмэ цауатэрэм фэдэу щынагъохэри кьыфыкьокы
фэжъагъэх» [11, н. 532].*

*«– И вправду, как в сказке... – подумала Сура и, словно подтверждая это сравнение, лес тотчас же
окружил её всеми сказочными страхами» [4, с. 453].*

Природная картина изображена весьма живописно. Писатель, наблюдая, подмечает изменения и жизнь в природе. И героиня, вслушиваясь в ночные звуки, замерла от восторга перед красотой ночи, которая напоминает ей сказку. На наш взгляд, проекцией душевного состояния является картина, сотканная из элементов пейзажа и поражающая буйством красок, колоритом, пластичностью.

«Гъэхунэр мэзыми оцхыми ащымыщхэм фэдэу, оцхи шхъарымытэу, зэпэнэфыжыщтыгъэ» [10, н. 396].

*«Поляна могла показаться частью иного мира, она была ярко освещена полной луной и ни одна кап-
ля дождя не падала на густую и высокую траву на ней» [7, с. 82].*

Писатель в данном отрывке создаёт на основе романтического контраста картину преображённой природы, где над реальным преобладает идеальное, над обыденным – возвышенное. Это яркая необычная природа выступает как таинственное, мистическое, потустороннее явление. Спокойный ровный пейзаж, думается, свидетельствует о склонности к созерцательности и намекает на широту интересов.

*«Ау зы гукъао илагъ чыгым, дунэ нэфым нэгъушлоу пэгъоклыщтыгъэ чыгым гукъэо закьо илагъ кьызд-
экыгъэри ышлэщтыгъэп а гукъаор... Гушысэ хьылгэм хэтэу чыгыр кьыготмэ яупчыгъ, жьау
зыкымылэр зэригъэшлэнэу, ау джэуаны кьыфэхъуэгъэхэп. Зэгорэм мазэр зэцэу огуи итэу, чыгым
ичэфынчъагъэ кьылгэгъуи, кьырилуагъ: – О мазэм уричъыг, сыда жьауи епшлэщтыр, тыгъэм ысты-
жыщтыхэр ары тыгъэм жьауи зэрипэхэрэр. Ори тыгъэм укыгъэхъуэгъ, ау о мээхэ чъагъохэр угу
итлысхъагъэх, тыгъэм имэзы ылгэгъурэм нахьыбэ о плэгъэу шлоигъу, ау ащ шлункыр кьыщежъэ, ащ
фэдэ чыплэм нэфынэр щылажъэрэп. Угу итлысхъагъэм гъэшлэнэм узакъоу уцигъэлэщт, сыда плэмэ
мэзым зы жьауи илэр, ащ зыхэзычырэр зэкъо гъаилэм илагъэо теуцо, тыгъэм лыеу кьесты, лыеу
жъыбгъэр кьео, лыеу оцхымрэ ошгумрэ ауты...»*

Мазэм игууцылэхэр чыгыгым ыгу рихыгыгэхэп. Мэзым энэжыокунэу фэягээп, ау ащ хэтынэуи фэежсыгыгээп. Пчэдыжэу мэзыр ыбгыни, гэхэунэ дахэм ихыагь» [10, н. 172].

«Но одна печаль грызла и источала душу Дерева. Оно не знало, откуда эта печаль, но во всякое время года, и днём, и ночью она не покидала его... Дерево не знало ответа – почему у него нет тени и не находило его у своих сородичей, поэтому обратилось к Луне, и Она сказала Ему: Ты – Дерево Луны, зачем тебе тень, собственную тень видят только те деревья, которые полюбили Солнце, которое потом и убивает их. Ты живёшь в лесу Солнца, но хочешь видеть больше, чем лес, а это значит, что ты хочешь нарушить законы леса и Солнца. Если ты покинешь лес, ты обретёшь свою тень и увидишь её, но навсегда останешься одиноким под солнцем, под ветром, под ливнями и градом...»

– Но я очень хочу иметь собственную тень, без неё мне не жить!» – ответило Дерево. – Тогда покинь лес, – грустно ответила Луна, и Дерево решило уйти из леса» [5, с. 178].

Творческие изыскания выдающегося писателя протекают в русле мифотворчества и характеризуются оригинальным варьированием способов мифологизирования. На наш взгляд, структура данного отрывка позволяет расширить пространственно-временные параметры выстраиваемого национального космоса до необычайных размеров вселенной. Автор выражает художественную коллизию и философскую мысль всего романа через столкновение двух мироощущений – созидательного и разрушительного. В новелле эсхатологическая ситуация трансформируется в космогоническую, а миф о рождении солнечного божества в авторской интерпретации получает новый смысл, который является утверждением вечности жизни, созидательных начал, величия человека, его богоподобности, способности стать подобным богам [12, с. 220-221]. Ментальность и художественное сознание персонажей как в текстах нартского эпоса, так и в художественных произведениях, по нашему мнению, обусловлены «небесным притяжением».

Таким образом, объекты пейзажа, изображая человека в состоянии душевного напряжения, несут самостоятельную идейную нагрузку. Отношения писателей на конкретную ситуацию определяют функциональную значимость описываемого предмета.

Список литературы

1. Дамдинова Е. Ю. Особенности отражения национальной ментальности в бурятской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (15). С. 53-55.
2. Жанэ К. Х. Свадьба с женихом: рассказы / авториз. пер. с адыг. Л. Плещачевского. М.: Сов. писатель, 1984. 336 с.
3. Жэнэ Къ. Хь. Шапсыгыгэхэр жыи хьухэрэп: рассказхэр. Мыекьуапэ: Краснодарскэ тхыль тедзап1эм и Адыгэ отделение, 1980. 168 н.
4. Керашев Т. М. Избранное. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1997. 600 с.
5. Куёк Н. Ю. Вино мёртвых: роман в новеллах. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2002. 296 с.
6. Куёк Н. Ю. Лес одиночества: главы из повести // Литературная Адыгея. 2006. № 2. С. 94-120.
7. Куёк Н. Ю. Лес одиночества: повесть // Литературная Адыгея. 2007. № 1. С. 70-92.
8. Куёк Н. Ю. Чёрная гора: повесть. Майкоп: Республиканское издательство –полиграфическое объединение «Адыгея», 1997. 116 с.
9. Къуекъо Н. Ю. Повестхэр, къэбархэр, усэ. Мыекьуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзап1, 1998. 520 н.
10. Къуекъо Н. Ю. Щымылэжхэм яснабжэ: къэбар заулуэ зэхэт роман; Зэкьомэз: повесть. Мыекьуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзап1, 2005. 415 н.
11. Кларэцэ Т. М. Хэшыпыкыгыгэ тхыгыгэхэр зыдэт тхылыщ. Ящэнэрэ тхыль. Мыекьуапэ: Краснодарскэ тхыль тедзап1эм и Адыгэ отделение, 1989. 560 н.
12. Паранук К. Н. Мифопозтика и структура художественного текста в современном адыгском романе (Ю. Чуюко, Н. Куек, Д. Кошубаев) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 217-223.

SACRED IN PLANTS AS ONE OF MEANS IN WORKS OF FICTION BY ADYGEI WRITERS

Khatkhe Asiet Aslanbechevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Adygei State University
 xatxe70@mail.ru

The author analyzes the plant world in works of fiction by Adygei writers, considers one of the most vivid artistic devices used by Adygei writers, the representation of heroes in close connection with nature and plant world that provides a great opportunity to find and analyze the specificity of the relationship between the man and nature, and pays special attention to the sacred in plants found in two varieties: a) divine, and b) mystical, otherworldly.

Key words and phrases: divine influence; cosmological ideas; elements of world order; world of heaven; underworld.